

Император Великой Сун с кистью с киноварью в руке с изумлением взглянул на Чжао Ао и с участием произнёс:

— С чего это брат мой вдруг заговорил об этом?

Чжао Ао ответил:

— Ваш покорный слуга и младший брат носит титул князя Великой Сун, но ещё ни разу не принёс пользы нашей стране. Мне и без слов Августейшего брата понятно, что Вань-эр — наилучшая кандидатура. Жители Шэнцзина зовут меня Чжао Ао, но само это прозвание «Сяояо» означает лишь то, что ваш брат бесполезен до крайности! Ныне Император Ляо хочет взять в жёны принцессу Великой Сун, как же я могу закрывать на это глаза?

Слова Чжао Ао звучали искренне, но пальцы его дрожали, и даже борода едва заметно вздрагивала. Он изо всех сил пытался скрыть боль и нежелание смириться, но разве мог он утаить это от глаз Чжао Фу? Чжао Фу пристально смотрел на него и после долгой паузы произнёс:

— Брат мой, ты молвишь это от чистого сердца?

Чжао Ао вздрогнул всем телом:

— Да.

Чжао Фу вздохнул:

— С каких это пор мы с тобой, братья, стали говорить столь пышными и красивыми фразами!

И Чжао Фу оставил Чжао Ао ночевать во дворце. Братья проговорили до поздней ночи, вспоминая детские годы. Император сменил гнев на милость; предаваясь воспоминаниям давно минувших дней, он словно вновь вернулся в годы своей юности. Проправив тридцать лет как хладнокровный властелин, он, глядя на своего уже состарившегося родного брата, всё же почувствовал в душе каплю сострадания.

Он похлопал Князя Цзина по руке и сказал:

— Не тревожься, у Меня на этот счёт есть свои соображения.

Чжао Ао окончательно перевёл дух.

И впрямь, спустя несколько дней Чжао Фу выбрал девушку для выдачи замуж в Государство Ляо — ей стала чжуньчжу из семьи покойного девятого князя. После смерти девятого князя в усадьбе некому было вести дела, к тому же Чжао Фу не жаловал этот дом, и тот давно превратился в обедневшую ветвь императорского рода. Чжао Фу официально признал чжуньчжу членом императорской семьи, пожаловал ей титул принцессы и отправил в Великое Ляо.

Как плакали и убивались в доме девятого князя, посторонним знать не полагалось. Зато все остальные семьи в городе Шэнцзине вздохнули с облегчением и сияли от радости.

Приближался Новый год, и послы Великого Ляо готовились к возвращению восвояси.

Двадцать первого числа двенадцатого месяца Тан Шэнь вышел из дома в парадном чиновничьем платье и лисьем плаще. Он протянул руку и поймал снежинку.

Небо затянуло серой хмарью, нежные снежные хлопья бесшумно укрывали землю серебристым ковром. Тан Шэнь плотнее запахнул плащ и пешком направился к императорскому дворцу. Отстояв утренний приём, он вернулся во Дворец Циньчжэн, разобрал часть докладных записок, после чего подал собственный доклад. Спустя ещё час Чжао Фу призвал его на аудиенцию во Дворец Чуйгун.

Тан Шэнь поправил чиновничье одеяние и сквозь густую метель пошёл во Дворец Чуйгун.

Разумеется, представлять перед императором в верхнем плаще воспрещалось, поэтому по дороге Тан Шэнь промёрз так, что губы его посинели. К счастью, у Дворца Чуйгун молодой евнух приподнял перед ним тяжёлую завесу, и на него сразу повеяло благодатным теплом.

Чжао Фу, держа в руках жаровню-грелку, сидел на кушетке лохань и ел грецкие орехи. Маленький евнух изящным молоточком размеренно раскалывал скорлупу и по кусочку вынимал ядра, а император лениво отправлял их в рот.

Увидев Тан Шэня, Чжао Фу оглядел его с ног до головы и молвил Цзи Фу:

— Погляди-ка, как замёрз Цзинцзэ. Погода становится всё холоднее.

Цзи Фу был человеком догадливым. Он знал, что Чжао Фу ценит Тан Шэня, и, услышав слова государя, подхватил:

— Ранее ваш слуга выходил наружу — Ваше Величество и представить не может, какая там метель, у вашего слуги даже уши отнялись! Ваше Величество, не приказать ли подготовить для господина Тана грелку?

Чжао Фу ничего не ответил, лишь махнул рукой:

— Подать кресло.

Двое младших евнухов принесли табурет и поставили его подле жаровни. Тан Шэнь сначала склонился в поклоне, а затем сел:

— Благодарю Его Величество за милость.

Чжао Фу молчал, продолжая смаковать орехи. Спустя некоторое время он произнёс:

— Цзинцзэ, с чего это ты решил испросить аудиенции именно сегодня? Случилось что-то? В твоём докладе есть небезынтересные мысли, да только ты всё же слишком молод.

В душе Тан Шэня забили тревожные колокола. Разве смел он сидеть дальше? Он тут же поднялся и глубоко поклонился:

— С тех пор как месяц назад вашему покорному слуге поручили принимать послов Ляо, мне довелось много общаться с посольством Государства Ляо. Как чиновник Великой Сун и как подданный Великой Сун, весь этот месяц я потерял покой и сон. Чем больше я общался с послами Ляо, тем больше ужасался увиденному.

Раздался сухой щелчок: евнух расколол очередную ореховую скорлупу, и этот звук отдался эхом под сводами Дворца Чуйгун.

Чжао Фу поднял голову:

— К слову, Ли Цзиндэ после возвращения в столицу, кажется, всё время проводил с тобой?

Тан Шэнь задумался на мгновение:

— Ли Цзиндэ беспокоится о Северо-Западе и желал узнать, не кроются ли за приездом послов Ляо иные замыслы, а потому вместе с вашим покорным слугой принимал гостей.

Чжао Фу усмехнулся и беззлобно пожурил:

— Какие ещё замыслы? Отправить такого неотёсанного вояку принимать послов Ляо — надо же до такого додуматься!

— Ваш слуга виноват.

— Впредь чтобы такого не было, — сказал Чжао Фу. — Ныне между Сун и Ляо установлен мир, да и принцесса вскоре отправится в Государство Ляо, так что, Цзинцзэ, не бери в голову лишнего.

Тан Шэнь про себя усмехнулся: «Мир между Сун и Ляо? Интересно, кто на пиру в Тереме Шэнпин расплывался в угодливой улыбке, притворяясь бездарным и никчёмным правителем, да во всём потакал послам Ляо? А едва покинув пиршество, тут же вызвал Ли Цзиндэ на Террасу Восхождения к Бессмертным и задал ему жесточайшую головомойку! Если бы Ван Чжэнь не обмолвился об этом, Тан Шэнь так и не узнал бы, что Чжао Фу призвал Ли Цзиндэ лишь ради того, чтобы выместить злобу за то, что тот не дал достойного отпора варварам, из-за чего самому Чжао Фу пришлось позориться перед послами Ляо!»

Великая Сун не в силах одолеть Государство Ляо, а Ляо пока не желает тратить силы на поглощение Сун.

Такова была суровая действительность.

И после этого Чжао Фу смеет говорить о «дружбе между Сун и Ляо»?

Какая нелепая попытка сохранить лицо вопреки здравому смыслу!

Однако Тан Шэнь не мог указать на это напрямую, поэтому ему оставалось лишь вторить государю:

— Его Величество совершенно прав, вашему покорному слуге это ведомо. Но как спать спокойно, когда у изголовья затаился чужак? Ваше Величество, не следует забывать об осторожности. Ваш покорный слуга дерзает высказать предостережение: Вашему Величеству ни в коем случае нельзя недооценивать варваров Ляо.

Чжао Фу сделал вид, будто погрузился в раздумья, и вздохнул:

— Что ж, опасения Цзинцзэ возникли не на пустом месте.

Во Дворце Чуйгун Ци Фу с метёлкой-фаньчэнь ничком и послушно стоял подле государя. Дворцовые историографы непрерывно скрипели кистями, заноса в летописи подробности сегодняшней аудиенции Тан Шэня.

Тан Шэнь склонился в почтённом поклоне и произнёс:

— По мнению вашего слуги, в отношениях с Государством Ляо Великая Сун не должна делать

вид, будто ничего не происходит. Ли Цзиндэ перед отбытием в город Ючжоу говорил вашему слуге: дай ему десять лет — и он взрастит войско, ничуть не уступающее железной коннице Ляо.

Рука Чжао Фу, державшая ядро ореха, внезапно замерла. В его глазах вспыхнул огонёк, он вскинул взор на Тан Шэня и торопливо переспросил:

— Ли Цзиндэ действительно такое сказал?

Тан Шэнь твёрдо кивнул:

— Да, говорил.

За тысячи ли от столицы Фельдмаршал Запада Ли Цзиндэ, проводивший учения в городе Ючжоу, громко чихнул: «Какой сучий потрох из Ляо замышляет против меня пакость?»

Во Дворце Чуйгун Тан Шэнь продолжил:

— Однако обучение войск — дело не одного дня, за один шаг этого не добиться. Нужны не только годы, но и немалые средства. И Северо-западный приказ серебряных ассигнаций призван сыграть здесь ключевую роль. Ваш покорный слуга полагает, что если Приказ серебряных ассигнаций объединит усилия с Армией Летающего Дракона, то совместными трудами удастся вышколить непобедимую конницу, что ни в чём не уступит Армии Ляо.

Услышав это, Чжао Фу просиял, на душе у него стало легко и радостно. Но тут же он словно о чём-то вспомнил, его ликование слегка угасло, и, пристально взглянув на Тан Шэня, он тихо спросил:

— Это Цзыфэн тебе сказал?

Тан Шэнь на мгновение запнулся и после короткой паузы ответил:

— Ван Цюань обсуждал это с вашим слугой.

Во Дворце Чуйгун на миг воцарилась тишина. Чжао Фу вздохнул:

— Вы, двое братьев по учению, воистину сплочённо трудитесь на благо Нас.

Тан Шэнь опустил голову и промолчал.

Чжао Фу продолжил:

— Что касается Приказа серебряных ассигнаций, Я прочёл всё, что ты изложил в докладе. Сие входит в обязанности Ван Цзыфэна и тебя не касается. Но вот то, что ты приписал в конце доклада, Цзинцзэ... Нас поставило в тупик. Чего именно ты добиваешься?

Тан Шэнь поднял голову и произнёс:

— Ваш слуга полагает, что Приказ серебряных ассигнаций способен на большее, чем просто обеспечение военных нужд. Ограничивать его этим — значит разбазаривать его потенциал.

Он не стал упоминать, что истинной главной целью Чжао Фу при создании Приказа серебряных ассигнаций было намерение спустя годы провести денежную реформу во всей стране, ведь Тан Шэню о таком ведать не полагалось. Поэтому он продолжал:

— Приказ серебряных ассигнаций может проникнуть вглубь Государства Ляо и вести разведку!

Чжао Фу пристально смотрел на Тан Шэня, и от этого взгляда у Тан Шэня замирало сердце.

Будучи чиновником Центрального секретариата, Тан Шэнь не имел чётко очерченного круга обязанностей, в отличие от министров шести ведомств или великого маршала. Большинство служащих Центрального секретариата занимали номинальные должности; их главной задачей было исполнять волю государя и облегчать его заботы.

Сегодня Тан Шэнь обратился напрямую к Чжао Фу, миновав Сюй Би. Формально он не превысил полномочий, но этим шагом показал, что не считает себя истинным членом Фракции Сюй.

Тан Шэнь принадлежал к Фракции императора и хранил верность лишь государю.

За два года Сюй Би так и не приблизил Тан Шэня к себе и не проникся к нему доверием. И Тан Шэнь платил ему той же монетой.

Внезапно Чжао Фу громко расхохотался:

— Не ожидал Я, что в этом вопросе мысли твои и Фэйжань совпадут до мельчайших деталей!

Тан Шэнь содрогнулся про себя.

<http://bllate.org/book/18292/1754635>